

Д. В. Лебедев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АНТИЛЫСЕНКОВЦА С ДОВОЕННЫМ СТАЖЕМ

Небезызвестные события в истории нашей науки все дальше уходят в прошлое. И уже по одному этому обстоятельству, говоря словами Н. И. Вавилова, «надо торопиться», если мы хотим их восстановить.

Уже мало осталось людей, которые помнят все перипетии борьбы или вынесли на себе град репрессий, обрушившихся на отечественную биологию в 30—40-е гг. Теперь, когда драматическая судьба этой науки, ее честных и мужественных представителей, преподававших нам образец высокой нравственности, воспринимается как великий урок истории и мы начинаем по крупицам собирать горькую истину минувшего, перед нами все чаще возникают трудности.

Взять хотя бы такой важнейший источник информации, как архивы научных организаций. Приходишь туда в надежде установить точные факты биографии интересующего тебя ученого и сплошь и рядом убеждаешься, что его личного дела не сохранилось. Другие дела есть, а нужного нет. Случайность? Думается, скорее закономерность. «Верхи» сознавали, что творят произвол, и, предвидя неминуемое возмездие, стремились замести свои кровавые следы, изымая архивные документы.

При таких обстоятельствах свидетельства ученых-биологов, вынесших на своих плечах всю тяжесть репрессий и прочно сохранивших их в своей памяти, приобретают неоценимое значение. И уж совсем замечательно, если у них уцелели какие-то документы, неопубликованные материалы, письма.

Одним из таких ученых как раз и является старейший сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР Д. В. Лебедев — генетик растений по образованию, библиограф и историк биологии по своим работам.

Он вошел в науку в 30-е гг. и в силу темперамента и непоколебимой честности сразу был втянут в водоворот бурно разворачивавшихся событий. Голос этого человека был ясно слышен в самое глухое время «темного царства» лженауки. Достаточно сказать, что в течение ряда лет, казавшихся бесконечно долгими, он был одним из самых активных соратников акад. В.Н. Сукачева и руководимого им. «Ботанического журнала», пожалуй, важнейшего легального бастиона классической генетики, дарвинизма и вообще подлинной науки, ведшего самоотверженную бескомпромиссную борьбу с лысенкоизмом. «Ботанический журнал», его редакционный коллектив можно сравнить с легендарным партизанским отрядом, воевавшим в глубоком тылу врага и навечно прославившим себя и своего вожака.

Не менее ценно и то, что Д. В. Лебедев донес до нас много имен — и крупных, и известных только в узком кругу, оставшихся верными своим убеждениям и моральному долгу. Вот почему представленная здесь запись воспоминаний Д. В. Лебедева внесет весомую лепту в правдивую летопись отечественной науки.

В. И. Назаров

Ну что же, прежде всего надо представиться: Лебедев Даниил Владимирович, 1915 года рождения, пенсионер. Родился на Украине в семье земского врача, потом жил в Иваново-Вознесенске, там учился в школе II ступени, окончил ее рано (не было 16 лет) и начал работать. Из областного отделения треста Центромелиострой в школу поступила просьба рекомендовать выпускника для участия в качестве практиканта в полевых геоботанических исследованиях. Директор рекомендовал меня, зная, что я интересуюсь биологией. Проработал я там два года, причем второй год самостоятельно.

В 1932 г. переехал в Ленинград, здесь меня приняли помощником геоботаника в Нижневолжскую экспедицию Ботанического института АН СССР (БИН).

Работал я под руководством Л. Е. Родина целый год и за это время завязал знакомства с биновцами, сыгравшими большую роль в моей жизни. В 1933 г. поступил в Ленинградский университет. Так как меня больше всего привлекали генетика и эволюционное учение, специализировался на кафедре генетики растений. Ее основателем и руководителем был Георгий Дмитриевич Карпеченко. Мне очень повезло, я попал в замечательный коллектив. На кафедре были кроме Карпеченко еще три профессора: Григорий Андреевич Левитский, Мария Александровна Розанова и Леонид Ипатьевич Говоров. Все четверо не только крупные ученые, но и глубоко порядочные люди, принципиальные и мужественные. Они были ближайшими сотрудниками и верными соратниками Николая Ивановича Вавилова. Застал я и известного болгарского ученого Дончо Костова, когда он в последний раз прочитал у нас курс частной генетики. Наши учителя не говорили высоких слов. Мы учились на их личном примере, смотрели, как они ведут себя, и старались поступать так же. Кафедра наша была тесно связана с лабораторией генетики Всесоюзного института растениеводства, созданной и возглавляемой также Георгием Дмитриевичем. Учились науке и гражданственности мы и у ее сотрудников, в первую очередь у Михаила Ивановича Хаджинова, Александра Николаевича Луткова и Ольги Николаевны Сорокиной, внесших большой вклад в развитие отечественной генетики и селекции и бывших настоящими людьми.

Среди выпускников кафедры, просуществовавшей всего 9 лет (1932—1941), считаю своим долгом упомянуть многих, назвав их так, как называли в студенческие годы. Из первых выпускников это Дина Габе, Женя Даревская, Надя Догадкина, Катя Макушина, Валя Светозарова, Нина Чуксанова, Ваня Шалыгин. Из более молодых — Вера Громова, Рауза Макашева, Нина Навалихина. При всех обстоятельствах они проявили себя как достойные ученики своих учителей.

Не случайно история нашей кафедры оказалась самой кровавой страницей в борьбе с лысенковщиной. Вслед за Николаем Ивановичем были арестованы Карпеченко, Левитский и Говоров, разделившие трагическую участь Вавилова. Их имена давно возвращены истории, но их научный и гражданский подвиг до сих пор не нашел достойной оценки. Ни на здании университета, ни на здании Всесоюзного института растениеводства, где они работали многие годы, нет мемориальных досок с именами этих героев и мучеников науки.

Когда лысенковская антинаука начала при поддержке Сталина и всего партийно-государственного аппарата наступление на «буржуазную» генетику, сразу же развернулась борьба и в университете. Лысенковцами оказались и многие преподаватели, немало было их и среди студентов и аспирантов. Одни были вполне искренними в силу своего невежества, другие «приспосабливались к обстоятельствам» — откровенно карьеристски или считая это своим «партийным долгом». Большинство же никакой симпатии к лысенковщине не питало, хотя активно боролись почти только генетики. Среди молодежи одним из наиболее активных и воинствующих противников Лысенко был и я, сначала студент, а затем (с 1938 г.) аспирант Георгия Дмитриевича. Несколько раз меня клеймили в многотиражке как менделиста-морганиста, ну а под конец расправились. Видимо, на моем примере решили показать, что случается с вольнодумцами.

Это произошло после ареста Карпеченко (17 февраля 1941 г.), о котором я продолжал везде и всем говорить как о честном человеке, арестованном безвинно, одновременно продолжая критиковать Лысенко. Как-то ко мне подошел секретарь аспирантской комсомольской организации В. Перельман и сказал: «Даня, от нас требуют исключить тебя, а мы не хотим этого. Скажи что-нибудь такое, чтобы мы могли оставить тебя в комсомоле». Я ответил: «Знаешь, Бима, я ведь еще молодой человек, мне долго жить. Конечно, могу сказать, это не трудно, но тогда всю жизнь буду презирать себя. Лучше исключите, и я всю жизнь буду гордиться этим».

Дальше дело пошло своим чередом, аспиранты меня исключили, вопрос был поставлен на общефакультетском собрании. О нем стоит рассказать. На это собрание пришел секретарь факультетского партбюро Э. Ш. Айрапетянц, требовавший моего исключения, причем так резко, что меня потом спрашивали: что он имеет лично против тебя. Вопрос был поставлен им так: «Вот имеется Лысенко, которого поддерживает Центральный Комитет, а Лебедев выступает против Лысенко. Выбирайте — за кого вы!». За ЦК, естественно, проголосовало большинство, но то, что за меня была треть голосовавших, я считал большим успехом. Была еще одна деталь, характерная для тогдашней обстановки. При выходе из аудитории ко мне подошел Айрапетянц и сказал: «Если ты хочешь знать, как я отношусь к тебе, зайди завтра». Все объясняется довольно просто. В газете «Ленинградский университет» от 14 марта 1941 г. была опубликована статья «Биофак должен стать оплотом революционной, передовой науки». В ней говорилось, что партком университета «сделал последнее предупреждение» члену партии Айрапетянцу и кандидату в члены Лобашеву: «Если они не займут правильной позиции в борьбе против реакционной науки и ее носителей, то будет поставлен вопрос об их пребывании в партии». Эрванд Шамирович выполнил приказ, но симпатии его были на моей стороне, и он хотел мне помочь.

Мне, уже исключенному из аспирантуры, надо было думать об устройстве на работу. Было одно предложение в Публичную библиотеку, но я хотел уехать из Ленинграда, боясь, откровенно говоря, что меня тоже посадят, а уехавшего могут и забыть. Из разных вариантов больше всего устраивало приглашение А. Л. Тахтаджяна, с которым меня познакомили тогда, поехать в Армянский филиал АН СССР. Были разные сложности бюрократического характера, так как я исключался с «направлением в среднюю школу». Об этом я рассказал Айрапетянцу, и он обрадовался: «Ну, тогда все в порядке, я все сделаю». Действительно, он пошел со мной к академику И. А. Орбели, который был не только директором Эрмитажа, но и председателем Президиума Армянского филиала АН СССР, рассказал ему, какой я хороший человек и работник. Орбели подписал необходимые бумаги и в министерство, и в Академию. Меня зачислили на работу, 2 июня 1941 г. я приехал в Ереван, а 23-го уехал обратно в Ленинград в соответствии с мобилизационным предписанием.

Расскажу еще об одном интересном факте. Будучи уже в «полуисключенном состоянии» (университетский комитет комсомола меня исключил, но до райкома дело так и не дошло, и билет у меня остался), я пошел на объединенное комсомольское собрание биологического и философского факультетов с докладом Презента о положении в генетике. Это был обычный для него хлестко-демагогический доклад, но самое главное было в его ответе на вопрос: «Где Вавилов?». Презент сказал: «Отвечу словами Писания — Разве я сторож брату моему?». Вероятно, не все поняли, в чем дело, но Презент прекрасно знал, что так ответил Богу Каин, убивший своего брата Авеля. Этот негодяй открыто хвастался своим преступлением. В мои намерения не входило выступление. Но когда философы, выслушав ряд лысенковцев, спросили: «А где же морганисты, с которыми вы боретесь, есть ли они вообще?», мне пришлось встать, представиться морганистом и выступить. Это было мое последнее антилысенковское выступление перед войной и, кажется, довольно удачное. Хлопали мне много.

На войне я был «от звонка до звонка», кончил ее в Маньчжурии в звании майора, долго был начальником штаба стрелкового полка. Вернувшись в Ленинград, принял предложение товарищей из БИНа заведовать библиотекой института. Опыт некоторый у меня был: в годы аспирантуры подрабатывал, составляя систематический каталог по ботанике в Библиотеке АН СССР (БАН). Работал успешно, и в мае 1949 г. меня назначили заместителем директора БИНа, а через 20 дней, после кончины директора, стал и. о. директора. О моей «библиотечной карьере» можно рассказывать много, работу эту я любил и отдавал ей все силы, но в результате был исключен из партии за вредную идеологическую дея-

тельность, за невыполнение указания о «чистке» кадров и фондов и т. д., дважды увольнялся, дважды пытались завести уголовные дела, был обыск. Был совершенно уникальный приказ из трех параграфов: 1) Лебедева восстановить на работе, согласно решению Обкома профсоюза, по одной статье, 2) Лебедеву объявить выговор, 3) Лебедева снова уволить, но по другой статье. Это было в мае 1953 г.

Первая атака на меня, точнее, на все основные кадры библиотекарей, которые я защищал, как мог, была организована уже через год моей работы, но тогда решительно вмешался С. И. Вавилов. Директором БАНа был назначен академик Д. В. Наливкин, я вернулся на должность заместителя со следующим его напутствием: «Работайте, а я буду приезжать раз в неделю и принимать жалобы на Вас». Но 25 января 1951 г. Сергей Иванович скончался, и моя участь была предрешена.

В 1952 г. вышла книжка тогдашнего первого секретаря Василеостровского райкома КПСС Цветковой «Идеологическая работа среди интеллигенции». Целая страница там посвящена мне. Я с гордостью беру ее в руки. В ней упоминается много имен, критикуется много лиц, и почти все, даже крупные ученые, каются, а о «бывшем заместителе директора Библиотеки» Лебедеву сказано, что он не признал свои ошибки. Зато только про меня указано, что я «бывший»...

После смерти Сталина меня вторично восстановили на работе, но в БАНе я не остался, а вернулся в Ботанический институт. Директор БИНа Павел Александрович Баранов, с которым я был очень дружен, добился моего перевода «вместе со штатной единицей». Мне снова очень повезло! Первой большой жизненной удачей было то, что я стал учеником такого человека, как Георгий Дмитриевич Карпеченко. Вторая удача — дружба с Павлом Александровичем, исключительно яркой личностью, не только крупным ученым, но и настоящим общественным деятелем, мужественным борцом за научную истину, темперамент которого определил превращение Ботанического института в основной центр борьбы за разоблачение лысенковщины. И мне удалось оказаться в самом центре этой борьбы.

Открытое выступление против Лысенко началось публикацией в «Ботаническом журнале», главным редактором которого был Владимир Николаевич Сукачев, статей Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова (1952, № 6). В них критиковались взгляды лысенковцев о «порождении видов» и об отсутствии внутривидовой конкуренции, но с позиций «мичуринской биологии». При этом Иванов в отличие от Турбина прямо громил менделистов-м'органистов-вейсманистов. Считая почему-то правоверным «мичуринцем» Баранова, он говорил, что впоследствии Павла Александровича «испортили» Дубинин и Лебедев.

Одновременно в БИНе Баранов готовил другой удар по лысенковщине. На XIX партийном съезде в докладе Маленкова в очередной раз было с циничным лицемерием объяснено, что наука не может развиваться без критики и самокритики. Соответственно Президиум АН СССР обязал институты представить докладные записки с обзором состояния своей науки, указав на слабые места в их развитии. Не знаю, что подготовили другие институты, но в биновской записке впервые был поставлен вопрос о необходимости восстановить работы по полиплоидии и по гетерозису со ссылкой на замечательные достижения американских Генетиков и селекционеров, связанные с гибридной кукурузой.

Лысенковцы ответили на нее фельетоном журналиста А. Лежина «Дела и нравы Ботанического института» («Литературная газета», 26 февраля 1953 г.). В нем говорилось о модном тогда «засорении кадров»: «семейственность», «до недавнего времени подвизалась супруга одного из министров... Временного правительства», «нашел убежище морганист Мейер Львович Карп. Как теперь выяснилось, он занимался не только вопросами чистой ботаники» (был к этому времени арестован, потом полностью реабилитирован) и т. д. Но истинной целью атаки была упомянутая выше записка. Она, говорится в статье,

«пестрит именами зарубежных авторитетов. В ней принижаются достижения мичуринской биологии, а в известной мере дается даже своего рода амнистия морганистским взглядам, разбитым еще в 1948 г.». И подчеркивается, что эти взгляды Павла Александровича не были для сотрудников «ни тайной, ни неожиданностью», он излагал их «не только письменно, но и устно».

Любопытно, что почти половина фельетона была посвящена мне, хотя я в это время, снова работая в библиотеке БИНа, был сотрудником БИНа и, кроме того, целиком занятый своими личными бедами, непосредственного участия в начавшейся дискуссии не принимал. Но я был очень удобной фигурой для разгона: «В свое время примкнувший к морганистам, а затем срочно переключившийся в библиотечную работу»; «был снят с должности в Библиотеке Академии наук за развал библиотечной работы» и т. д. К тому же исключенный из партии по идеологическим мотивам. И вот «с благословения» Баранова институтская комиссия признала такого Лебедева «незаменимым» и воспротивилась его увольнению...

Казалось, что мои дела совсем плохи. Но 5 марта умер Сталин, а 5 апреля окончилось «дело врачей». Последнее событие имело отношение и ко мне, так как среди моих «прегрешений» было еще одно, и, хотя о нем не говорилось, очень существенное: моя мать — еврейка. Надо сказать, что процесс моего исключения длился долго. Бюро райкома исключило меня в мае 1951 г., а партийный билет был отобран бюро обкома — тогда это было его прерогативой — в августе 1952 г. Комиссия партийного контроля ЦК КПСС рассматривала апелляцию в декабре 1952 г. Тогда член Комиссии (фамилию ее не помню) сказала мне: «Вы человек грамотный, дело Сланского знаете, чего же Вы от нас хотите». Напомню, что Сланский был генеральным секретарем чехословацкой компартии, осужденный и расстрелянный как «глава сионистской организации».

В апреле 1953 г. я снова обратился в Комиссию партийного контроля, мне ответили, что следует действовать через первичную парторганизацию, чтобы она ходатайствовала о восстановлении в партии. Там (а я уже работал в БИНе) сначала удивились: «Тебя исключил ЦК, как же мы будем идти против него». Но, рассмотрев мою просьбу, почти единогласно (59 — за, 1 — против, 1 — воздержавшийся) ее поддержали. В июне 1954 г. партбилет был возвращен, а в учетной карточке записано, что Лебедев чл. партийной ответственности не привлекался и партийных взысканий не имел...

Перейдя в БИН, я сразу же активно включился в борьбу, став по существу помощником Баранова, его «советником». Установились прекрасные отношения и с руководством «Ботанического журнала»: Владимиром Николаевичем Сукачевым — совестью советской биологии и его заместителем Евгением Михайловичем Лавренко, мудрым и принципиальным человеком, занимавшим также четкую антилысенковскую позицию. Скоро я был фактически кооптирован в редколлегию журнала, но еще до официального включения в ее состав были опубликованы написанные мною две редакционные статьи: «Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и ее дальнейшие задачи» (1954, № 2) и «Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования» (1955, № 2). Мое авторство отмечено в литературе только один раз, в статье Н. П. Дубинина «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие генетики в СССР» (Генетика. 1967. № 10), в которой он писал о борьбе нашего журнала против Лысенко, назвав ее «драматическим эпизодом» и отметив, что «важным элементом в этой критике были статьи, написанные Д. В. Лебедевым, опубликованные в „Ботаническом журнале“ без подписи от редакции» (с. 12).

Роль «Ботанического журнала», а также «Бюллетеня Московского общества испытателей природы» (его главным редактором был также Сукачев) в оздоровлении советской биологии заслуживает специального исследования. Редко отмечается и та роль, которую сыграли тогда В. Н. Сукачев и П. А. Баранов,

бывшие подлинными лидерами антилысенковцев. Так, в книге Н. П. Дубинина «Генетика: страницы истории», вышедшей в 1988 г. в Кишиневе, Баранов упоминается один лишь раз и то в связи с включением его в группу по разработке научной программы по гибридной кукурузе, возглавляемой самим Дубининым. А ведь именно Баранов еще в 1952 г. поставил вопрос о возобновлении этих работ в нашей стране. Вообще книга Дубинина вызывает много критических замечаний. Разве корректно, например, упомянуть Ж. А. Медведева только как автора юношеской публикации в духе Лепешинской, умолчав о его героическом труде над великолепной монографией, посвященной лысенковщине и опубликованной за границей. К сожалению, она только в 1989 г. напечатана у нас в журнале «Энергия». Разве можно издавать в 1988 г. книгу по истории генетики в нашей стране, не упомянув об исследовании М. А. Поповского «Дело академика Вавилова»?

Но вернемся к БИНУ. В 1955 г. приближалось одно немаловажное событие — 100-летие со дня рождения Мичурина. К этому времени уже четко выявилась поддержка Лысенко Хрущевым, и именно он был утвержден докладчиком на торжественном заседании. Баранов решил обратиться с протестом к Хрущеву, рассчитывая на помощь директора Института физиологии растений А. Л. Курсанова и директора Главного ботанического сада Н. В. Цицина. Но у этих академиков не было бойцовских качеств директора БИНА, и письмо пошло наверх с одной подписью.

Важнейшим же событием для советских биологов была реабилитация в августе 1955 г. Николая Ивановича Вавилова. Я хорошо помню слова Баранова, обращенные к его друзьям: «Так превратим же юбилей Мичурина в торжество Вавилова!». И в самом срочном порядке были написаны две статьи: П. А. Баранов и Д. В. Лебедев «Забывшие страницы из биографии И. В. Мичурина: И. В. Мичурин и Н. И. Вавилов» для «Ботанического журнала»; П. А. Баранов и С. Ю. Липшиц «Н. И. Вавилов о И. В. Мичурине (Материалы к биографии)» — для «Бюллетеня МОИП»...

Здесь надо сказать о «Письме трехсот». Поскольку многочисленные индивидуальные письма в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, разоблачавшие лысенковщину, оказались неэффективными, мне пришла мысль о целесообразности «коллективки», на которую, как на свидетельство серьезной тревоги ученых о положении в биологии, начальство не может не обратить внимания. Сразу сформировался авторский коллектив (Владимир Яковлевич Александров, Юрий Михайлович Оленов и я), подготовивший обстоятельную записку для Президиума ЦК КПСС. Почти полный текст ее был опубликован в «Правде» от 13 января 1989 г. по копии, найденной в архиве И. В. Курчатова, с указанием, что неизвестны ни авторы документа, ни подписавшие его. Но уже 27 января в той же «Правде» было напечатано письмо, подписанное В. Я. Александровым и мною (Ю. М. Оленова нет в живых) и рассказывающее об истории этого обращения. Еще раньше появилось мое сообщение о нем в «Вопросах истории естествознания и техники» (1987, № 4) в виде приложения к стенограмме выступления в Центральном доме литераторов. К этим публикациям я и отсылаю читателей.

Так как в БИНе были не только антилысенковцы, но и сторонники «народного академика», последние ликовали по поводу пролысенковских высказываний Хрущева. Тогда я решил показать, что мы не испугались. В мае 1957 г. на очередном партийном собрании я заявил, что, основываясь на уставном праве коммуниста критиковать на собраниях любого работника партии, хочу высказать критические замечания в адрес первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, утверждающего, что «Лысенко нас никогда не подводил». На самом же деле он всегда подводил и партию, и народ, что очень легко доказать. Перед следующим собранием представитель райкома попросил секретаря партбюро: «Только, пожалуйста, чтобы Лебедев не выступал». Как-то пронесло, хотя критиковал Никиту Сергеевича я незадолго до акции «антипартийной группы».

Перейдем теперь к трагическому финалу «биологической оттепели». В декабре 1957 г. в «Правде» и в «Известиях» появилась статья Т. Д. Лысенко «Теоретические успехи агрономической науки», в которой поносился и «Ботанический журнал», и В. Н. Сукачев лично. Совет Всесоюзного ботанического общества, поскольку журнал был его органом, решил ответить «Известиям» (о «Правде» по понятным причинам мы умолчали). Е. М. Лавренко просил меня подготовить проект резолюции, его доложил на заседании Совета ученый секретарь общества В. И. Полянский. Она была принята единогласно и подверстана в самый конец № 2 за 1958 г. (с. 312—315). Номер вышел, документ, как и положено, зарегистрирован в «Летописи журнальных статей», но вы не найдете ее ни в одном экземпляре журнала.

Объяснение самое тривиальное. Когда контрольный экземпляр попал в ЦК КПСС, оттуда последовало распоряжение — изъять. Всесоюзная книжная палата затребовала назад разосланные обязательные экземпляры (основной тираж еще не рассылался) для замены их «чистыми». Но еще во время моей работы в БАНе было получено разрешение главного ученого секретаря Президиума АН СССР А. В. Топчиева не возвращать в Книжную палату публикации, вышедшие в Издательстве АН СССР или имеющие академический гриф, помещая их в архивное «Академическое собрание». Кроме того, я специально попросил заведующую этим фондом Э. А. Файдель ни в коем случае не отсылать крамольный номер.

Рассказывать, а тем более писать о подобных событиях долгое время было невозможно, сейчас же, вероятно, только я помню эту историю. Недавно, рассказав о ней В. Я. Александрову, завершающему повествование о «трудных годах» нашей биологии, решил проверить, имеются ли в «Академическом собрании» оба экземпляра второго номера. Все было в порядке: один «кастрированный», а в целенький вложена бумажка, на которой выцветшими за 30 лет чернилами написано: «Выдавать только по разрешению директора БАН». С удовольствием прочитал этот документ, и, представьте, он мне очень понравился своей четкостью. Разобраны одно за другим все четыре лысенковские обвинения и сформулированы итоги дискуссии: «фактическая необоснованность, теоретическая несостоятельность и практическая бесплодность» лысенковской концепции. Если обратиться к нашей первой редакционной статье, можно убедиться, что уже в ней была почти буквально такая же «тройственная формула». Почему же та статья не была изъята? Во-первых, Хрущев тогда не стал еще таким яростным защитником Лысенко, а во-вторых, здесь против линии и партии выступало не отдельное лицо и даже не редакционный коллектив, а официальное представительство всей ботанической общественности. И санкции были неизбежны.

Но редакция решила не складывать оружие. Очередным поводом явилась новая статья Лысенко, опубликованная сразу в «Агробиологии» и в «Вопросах философии». Подготовить ответ было поручено мне, и в № 8 «Ботанического журнала» за 1958 г. появилась третья редакционная статья, озаглавленная «О некоторых проблемах советской биологии (По поводу статьи Т. Д. Лысенко "За материализм в биологии")». Написана она очень резко, самое же сильное место, мне кажется, в том, что после фразы о «прекрасных словах Н. С. Хрущева о том, что научные споры надо решать на полях» (с. 1144), заявляется: да, многие споры уже решены именно на полях. И дальше идет перечень: решен вопрос о гибридной кукурузе, внедрению которой сопротивлялся Лысенко; никто больше не занимается ветвистой пшеницей; заброшена яровизация; нигде не применяется внутривидовое скрещивание; нет ни одного сорта, выведенного методом вегетативной гибридизации. Все эти предложения сулили сельскому хозяйству необыкновенные успехи, но отменялись после испытания на полях.

По существу это было направлено уже не только против Лысенко, но и против Хрущева. Тут его терпение лопнуло. Дальше события разыгрались как по

нотам. 14 декабря 1958 г. в «Правде» в двух подвалах появилась редакционная статья «Об агробиологической науке и ложных позициях "Ботанического журнала"». 15 декабря начался пленум ЦК КПСС, посвященный сельскому хозяйству, а 17 выступил на нем Мустафаев, тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, кстати, бывший ученик отличного генетика Т. К. Лепина, заявивший, что вот нашего замечательного Лысенко позорит «Ботанический журнал», навешивает ярлыки вместо товарищеской критики и т. п. Последовала реплика Хрущева: значит, в редакции засели враги мичуринской биологии и состав ее надо пересмотреть. Через несколько дней появилось постановление Президиума АН СССР, о том, что 19 членов редколлегии из 21 выводятся из ее состава, в том числе В. Н. Сукачев, Е. М. Лавренко, П. А. Баранов, В. Б. Сочава, А. Л. Тахтаджян, П. М. Жуковский, В. И. Полянский, С. Ю. Липшиц, А. А. Юнатов, Д. В. Лебедев и др. Вместо них в новой редколлегии появились такие «столпы» лысенковщины, как Авакян, Власюк, Генкель, Шахов и др. Постановление готовилось в такой спешке, что среди членов редколлегии оказался, к своему удивлению, зоолог Прозоров.

На несколько лет советская печать была закрыта для любой критики.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. 15 ботаников вернулись в свой журнал, четверо не дожили до этого дня. Лысенковская эра кончилась, года три—четыре стало возможным писать хотя бы полуправду о трагической истории советской биологии, но потом последовала команда: «Не ворошить прошлое!». Только в связи с празднованием столетия со дня рождения Н. И. Вавилова (25 ноября 1987 г.) запреты были окончательно сняты. Помогла перестройка! Мне посчастливилось принять активное участие в подготовке и проведении торжеств. В 1966 г. была создана Комиссия АН СССР по сохранению и разработке научного наследия Н. И. Вавилова, и я вошел в ее состав, а последние 10 лет являюсь ученым секретарем этой комиссии.

Еще до разгрома нашего журнала Всесоюзное ботаническое общество начало готовить сборник, посвященный 70-летию со дня рождения Н. И. Вавилова, названный «Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции». Главным редактором был Б. К. Шишкин, заместителем П. А. Баранов, а секретарем Д. В. Лебедев, проводший, как и положено секретарю, основную работу. Книга вышла только в 1980 г. и открывалась великолепной статьей Павла Александровича «Обаяние ученого» — одной из лучших во всей вавиловiane. Правда, в ней была заменена последняя фраза. Она звучала так: «Пускай эта книга будет венком на неизвестную могилу всемирно известного ученого»... Там должна была появиться и моя статья, посвященная взаимоотношению некоторых идей Н. И. Вавилова и В. И. Талиева. Но Н. М. Сисакян, тогдашний глава Отделения биологических наук АН СССР, запросил список авторов сборника, после чего последовало распоряжение — изъять статьи четырех человек: Н. В. Тимофеева-Ресовского, Ю. М. Оленова, Р. Л. Берг и Д. В. Лебедева. Что же, могу гордиться компанией, в которой оказался.

Позвольте на этом закончить.

Вопрос. Вы сказали, что Вас особенно интересовали вопросы эволюционной теории. С чего это началось?

Ответ. Началось, пожалуй, с политики. Середина 20-х гг. была заполнена партийными дискуссиями, я стал жадным читателем всех газет, а потом перешел и на книги. Первые представления об эволюционной теории и одновременно о философии получил из прочитанной в седьмом классе книги Г. А. Гурева «Дарвинизм и марксизм». Заинтересовался, стал читать дальше. В Иваново-Вознесенске тогда активно работало областное отделение Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). Начал ходить на все заседания, слушал великолепных докладчиков: будущего академика Сыркина, «разгромленного» в 50-х гг. как адепта теории резонанса, зоолога Ласточкина, одного из бухаринских учеников — Астрова. Стали посещать заседания и мои товарищи.

Потом мы организовали в школе группу содействия ОВМД, и когда состоялся областной съезд общества, получили пригласительные билеты. Основной доклад сделал сам Деборин, а докладчиком на тему «Диалектический материализм и естествознание» был Гессен. Из тогдашней философской литературы наиболее сильной мне казалась из-за ее четкости и непохожести на другие книги «Теория исторического материализма» Бухарина.

Одновременно в «круг чтения» вошла и биология, во-первых, геоботаника и флористика, чем я занимался после школы практически, а во-вторых, эволюционная теория и в связи с ней генетика. Сначала, естественно, был ламаркистом, но к моменту поступления в университет уже стал убежденным «менделистом-морганистом-вейсманистом», каким и остаюсь до сих пор. Надо отметить, что большое влияние в этом отношении имели на меня работы биологов-марксистов, в том числе И. И. Агола, М. М. Местергази, И. М. Полякова, А. С. Серебровского, В. П. Слепкова и др.

В 1933–1934 гг. на первом курсе я слушал лекции по дарвинизму, которые читал Презент, — последний раз перед своим первым изгнанием из университета. О том, что представляет в моральном отношении этот человек, я узнал, работая в БИНе. Но, с другой стороны, на меня произвела большое впечатление организованная им и его сотрудниками выставка, посвященная 50-летию со дня смерти Дарвина, занявшая весь знаменитый университетский коридор. Курс был более или менее нормальный, читался действительно дарвинизм, но в классово-демагогической упаковке, генетика в целом признавалась, но все ее создатели клеймились как буржуазные ученые, в лучшем случае они именовались «стихийными материалистами». На общем фоне тогдашней концепции «классовой науки» он не выглядел как что-то необычайное.

Перелом наступил где-то на стыке 1934 и 1935 гг., когда Презент, прочно обосновавшийся в Одессе, занялся подведением «диалектико-материалистической базы» под примитивные представления невежественного Лысенко. Так было положено начало губительной для советской науки лысенковщины. Условно датой ее рождения можно считать выход в свет брошюры Лысенко и Презента «Теория стадийного развития и селекция», в которой взамен существующих в науке теорий доминантности объявлялось, что доминирует всегда наиболее целесообразное.

Лысенковщина явилась составной частью, компонентом общей сталинской системы, и борьба с ней приобрела политический характер. Еще в довоенные годы у меня выработалась формула: «Спор идет не о том, есть ли гены или их нет, решается вопрос — как будет развиваться наука: по команде сверху или свободно». События подтвердили, что я был прав.

Вопрос. Какое место в этой борьбе занимало совещание, организованное редакцией журнала «Под знаменем марксизма»?

Ответ. Начну с предыстории. Летом 1939 г. у университетских генетиков, обеспокоенных прогрессирующим ухудшением ситуации, связанным с усилением поддержки Лысенко властями, возникла мысль обратиться с письмом в ЦК ВКП(б), а персонально к Жданову, ведавшему идеологией. Не помню, кому принадлежал первоначальный проект, но обсуждался он в помещении кафедры генетики животных при участии М. Е. Лобашева, М. А. Розановой, Ю. М. Оленова и меня. Письмо было короткое, на двух страницах. Кроме упомянутых лиц его подписали Г. Д. Карпеченко (его подпись была, кажется, первой), Г. А. Левитский, И. И. Канаев, Ю. И. Полянский, Б. И. Васильев, всего 11 или 13 человек. Моей подписи, к сожалению, не было. Георгий Дмитриевич сказал: «Даня, Вы аспирант, Вам подписывать не стоит».

Не знаю, были ли еще какие-нибудь обращения в ЦК — коллективные или индивидуальные, но этот документ несомненно имеет отношение к созыву совещания. Все, кто подписал его, получили персональные приглашения. Ну, а я проходил «зайцем».

Совещанием руководили Митин, Юдин и Кольман, иногда Шмидт. Был острый момент, когда генетики хотели покинуть его, остановил Вавилов. Заключительное выступление Митина, напечатанное в «Правде», в известной степени носило половинчатый характер: признавались некоторые достижения «классической генетики», значение цитологических исследований. Был подвергнут критике Презент в надежде отделить его от безоговорочно восхваляемого Лысенко. Попытка безнадежная, так как на этом этапе Лысенко еще нуждался в Презенте и не мог дать его в обиду. Иначе обстояло дело после войны. Но это все мелочи. Основное в том, что Митин, а в данном случае он говорил от имени партийного руководства, характеризовал лысенковцев как представителей науки «передовой, революционной, новаторской в лучшем смысле слова», борющихся «против консервативных, догматических, устаревших концепций... за которые цепляются и с которыми вместе идут самые реакционные элементы в науке». Трудно понять, как после такой политической характеристики Н. П. Дубинин «почувствовал локоть друга», слушая речь Митина, как он написал в «Вечном движении».

Вопрос. Сохранилась ли копия письма ленинградцев? Ответил ли на него Жданов?

Ответ. Насчет копии ничего не знаю. Возможно, она была у Лобашева или у Карпеченко. Может быть, Георгий Дмитриевич передал ее Вавилову. Но подлинник должен где-то быть: в архиве Жданова или в архиве журнала. Возможно, и в ЦК с него была снята копия. Ответ от Жданова не получен.

Возможно, хотя и в малой степени, что-нибудь знает Дина Руфимовна Габе. Она сейчас живет в академическом пансионате в Павловске. Габе была ученицей М. А. Розановой, после аспирантуры оставлена на кафедре. Отличный человек и ярая антилысенковка. Когда в «Яровизации» появилась статья Ермолаевой, якобы опровергавшая второй закон Менделя на материале собственных опытов с горохом (уверяя, что в отдельных семьях отношение 3 : 1 отсутствует, появляясь лишь при «механическом» сложении ряда семей), мы с Габе пересчитали данные Ермолаевой и подготовили соответствующую таблицу для лекции Георгия Дмитриевича, посвященной менделизму. Получилось очень эффектное подтверждение менделевского закона, осуществленное его врагами. Все шло, как и следовало, по кривой Гаусса. Потом этому же материалу была посвящена блестящая статья в «Докладах АН СССР» академика А. Н. Колмогорова. После разгрома кафедры Габе уволилась и уехала в Камышин к своей тете Е. М. Плачек — известной селекционерке, сотруднице Г. К. Мейстера.

Вопрос. Когда был арестован Георгий Дмитриевич?

Ответ. 17 февраля 1941 г.

Вопрос. А Вы не присутствовали на 4-й сессии ВАСХНИЛ в 1936 г.?

Ответ. Нет. Я был студентом 3-го курса.

Вопрос. Когда начались аресты в ВПРе? Непосредственно после ареста Вавилова?

Ответ. Нет, прошло полгода. Одновременно с Карпеченко был арестован крупнейший специалист по зернобобовым культурам Л. И. Говоров. Позже был арестован Г. А. Левитский, затем К. А. Фляксбергер и А. И. Мальцев.

Но в связи с этим вопросом я хочу сказать и о первом ударе, нанесенном по ВИРу и тем самым по Вавилову органами госбезопасности. Это случилось в начале марта 1933 г., когда была арестована большая группа ведущих вировцев: физиолог Н. А. Максимов, цитолог Г. А. Левитский, систематики М. Г. Попов и Я. И. Проханов, селекционеры Н. Н. Кулешов и В. Е. Писарев и многие другие. Правда, судьба их была гораздо легче, чем тех, кого «карающая рука» настигла в 1937 г. Большинство из них были высланы (Максимов — в Саратов, Кулешов — в Омск, Писарев — в Иркутск, Попов — в Алма-Ату и т. п.), высланные могли работать по специальности, а некоторые даже сделали потом карьеру. Так, Максимов стал академиком АН СССР, Кулешов — академиком АН УССР.

Из всех сосланных в ВИР вернулся только Левитский. Все они обвинялись в связях с несуществовавшей «Трудовой крестьянской партией», т. е. в «чаяновщи-не-кондратьевщине». Прекращение после этого зарубежных поездок Николая Ивановича не случайно. Это звенья одной цепи, готовящейся для Вавилова.

Следующим звеном было запрещение в 1935 г. празднования 40-летия со дня основания Бюро по прикладной ботанике, предшественника ВИРа. Но в скромном масштабе внутри института юбилей был отмечен. Баранов, возглавлявший тогда Среднеазиатское отделение ВИРа, рассказывал, что после заседания ученого совета Вавилов пригласил к себе домой ближайших сотрудников, «верхушку» института. Там, за столом, он сказал, что ВИР ряд лет пользовался полной поддержкой правительства, а в последнее время отношение резко изменилось. Видимо, мы и в первую очередь я как директор делаем что-то не так, как надо. Вина лежит на мне, и я прошу вас, моих друзей, подумать, в чем я ошибся, что надо было делать иначе. И каждый из присутствовавших старался честно ответить Николаю Ивановичу: вот здесь Вы поступили не совсем верно, здесь Вы выбрали ошибочное направление и т. д. Только один человек заявил, что он не видит никаких промахов, что все было правильно. Этим человеком был И. Г. Эйхвельд, назначенный после ареста Вавилова директором ВИРа и рьяно разгонявший всех вавиловцев... Вот как бывает!

Хочу еще добавить несколько эпизодов, характерных, но мало кому известных.

Мы в Ленинграде об аресте Вавилова знали уже 10 августа 1940 г., после возвращения его спутников по экспедиции Ф. Х. Бахтеева и В. С. Лехновича. Но 20 августа в «Ленинградской правде» было сообщено, что академик Н. И. Вавилов награжден Большой золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Естественно, что сам акт присуждения ему этой награды состоялся еще до ареста и был одним из признаков слабого, может быть, даже очень слабого улучшения отношения к нему в каких-то «коридорах власти», заставившего врагов Николая Ивановича ускорить исполнение своих планов.

Второй факт относится к Григорию Андреевичу Левитскому. Когда в июне 1945 г. Сталин решил отпраздновать 220-летие Академии наук, в газетах были опубликованы списки награжденных. Нашу армию в это время перебрасывали из Восточной Пруссии в Монголию, и в пути узнаю, что среди новых кавалеров ордена Трудового Красного Знамени числится член-корреспондент Левитский. Я очень обрадовался — раз выпущен Левитский, может быть, и другие жертвы уже на свободе. Но все было не так. Левитский скончался в тюрьме еще 20 мая 1942 г. Но в Академии не знали не только о его смерти, но даже об аресте. Тогда связь членов-корреспондентов с Академией была очень слабой. Звание это было почетным, избранные денег не получали и переписываться были не обязаны. Арестован он был по линии сельскохозяйственного отдела НКВД, а не научного, к тому же началась война. Так Григорий Андреевич попал в списки представленных к награждению. Когда я готовил статью о нем для третьего издания БСЭ, то на положенном месте указал дату смерти, а в самом конце написал: «Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1945)». При редактировании последняя дата, к сожалению, выпала. Работники академического архива, составлявшие к 250-летию АН СССР двухтомный справочник о всех ее членах, в БСЭ не заглянули и написали, что он «скончался после 1945 г.». Дети Левитского, жившие в 1945 г. в Саратове, сразу обратились к М. И. Калинину, подписавшему указ о награждении, за разъяснением, после чего им пришлось уехать подальше. Ну а кому-то из чиновников НКВД, допустившему награждение «врага народа», вероятно, нагорело.

Вопрос. Вы говорили, что атаки лысенковцев на генетику начались в 1934—1935 гг. Но ведь прицельный огонь велся уже с 1931 г. И то, что сформулировали Лысенко и Презент, в принципе уже было высказано. Неужели в начале 30-х гг. не было осознано, что началось наступление на всю советскую науку?

Ответ. В целом, конечно, не осознавали. Не все было однозначно. Ведь экспериментальные исследования по той же генетике продолжались, выходили книги и журналы. Критиковалась еще не наука в целом. Вот, например, в 1933 г. ленинградское отделение Комакадемии издало книгу, посвященную 25-летию выхода «Материализма и эмпириокритицизма» со статьей Презента. С позиций 1948 г. он был тогда менделистом-морганистом, нападал не на хромосомную теорию, не на менделизм, а на «буржуазные извращения», «метафизику» и т. д. Правда «извращений» этих было уж очень много. Кроме того, процесс оболванивания науки был не прямолинейный. Так, в 1933 г. в «Правде» появилась статья тогдашнего идеолога Стецкого против «диалектики в гинекологии», «диалектики доменного процесса» и т. п. В известной степени было настроение типа «собака лает, караван идет».

Еще одно обстоятельство. Многим ученым, когда громилась какая-то другая наука, казалось, что их-то это не коснется. Поразительный факт: административная ликвидация постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. целой науки, а именно педологии, т. е. комплексной науки о детях, не вызвала ни возмущения, ни страха у широких кругов интеллигенции. А ведь это было очень грозное, теперь я скажу, ужасающее предупреждение всем ученым! Последствия разгрома педологии мы ощущаем до сих пор.

Вопрос. Почему события в генетике приняли такой характер? Почему вмешался Сталин, придав им «уголовную форму»? Может быть, потому, что в ней выступали такие сильные личности, как Вавилов — положительная и Лысенко — отрицательная?

Ответ. У меня есть такая формула: гибель Чайнова предопределила гибель Вавилова. Дело в том, что гибель нашей сельскохозяйственной науки несомненно связана со сталинским «великим переломом», означавшим по существу ликвидацию крестьянства. Сложилась такая ситуация, при которой была подорвана социальная основа сельского хозяйства, и восстановить его можно было только социальными мероприятиями, вернув земледельцу чувство хозяина земли, прямую заинтересованность в результате своей работы. Без этого роль науки становилась третьестепенной, она, конечно, могла в какой-то степени помочь подъему сельского хозяйства, но ничего не решала. Именно поэтому здесь в особенной степени могли проявиться невежественные пристрастия Сталина, Хрущева, Брежнева. В этом, по моему глубокому убеждению, социально экономические предпосылки трагедии. Но политика «великого перелома» требовала ликвидации «чаяновщины» — научной альтернативы сталинскому авантюризму.

Иная картина была, скажем, в физике, на которой базировалась оборонная техника. В 1989 г. в «Ленинградской правде» появилась статья, рассказывающая, как готовилась конференция с целью разгрома физики. Об этом писал и наш журнал «Вопросы истории естествознания и техники» в статье, посвященной Л. И. Мандельштаму. Охотников приступить к этой операции было много, но власти должны были считаться с учеными. Как-то Я. Б. Зельдович писал в «Аргументах и фактах», что при нем позвонили И. В. Курчатову из «Правды» и сообщили, что они печатают статью против теории относительности. Курчатов ответил: «Печатайте, но тогда мы должны закрыть нашу контору». И подготовленная статья не появилась.

К сожалению, вопрос о взаимоотношениях А. В. Чайнова и Н. И. Вавилова до сих пор совершенно не исследован историками науки. В их биографиях много общего. Их деды были крепостными крестьянами, отцы — капиталистами, оба почти одновременно учились в Московском сельскохозяйственном институте, на одном и том же заседании совета института было принято решение об оставлении их для подготовки к профессорскому званию. Но были ли у них контакты и какие именно в 20-х годах? Ведь до создания в 1929 г. ВАСХНИЛ Николай Иванович непосредственного отношения к аграрной экономической

науке не имел. А к этому моменту Чаянов был репрессирован и полностью «выведен из игры».

Хотелось бы высказать еще одно, как мне кажется, существенное соображение. Речь идет о природе лысенковщины. Мы все обычно определяем ее как лженауку. Так всегда говорил и я, но сейчас определяю как антинауку. Это принципиально различные понятия. Поясню на примере телекинеза. Адепты его нисколько не отрицают законы гравитации, не пытаются по-своему объяснить движение планет, не предлагают свои методы расчета полета космических кораблей. Они просто считают, что некоторые люди способны в какой-то степени преодолевать закон всемирного тяготения. Представления о телекинезе — типичная лженаука, не зачеркивающая науку в целом, а существующая где-то на ее периферии. Корни лженауки, с одной стороны, гносеологические: она паразитирует на тех явлениях, которые до сих пор не получили ясного научного объяснения, а с другой — психологические: неистребимая жажда чудес. Социальных корней у лженауки нет, она, вероятно, будет вечным спутником науки. Пользы от нее нет, но и вред не очень большой. Во всяком случае, она никак не влияет на развитие науки.

Иное дело антинаука, это альтернатива настоящей науки, ее тотальное отрицание. Именно такой и была лысенковщина, принявшая наименование «мичуринской биологии». Ведь лысенковцы зачеркивали всю генетику целиком, все ее мировое развитие. Для того чтобы подобный феномен возник, нужны прежде всего идеологические предпосылки, представление о возможности существования альтернативных наук вообще: пролетарской и буржуазной, арийской и еврейской, фундаменталистской (христианской или исламской) и светской и т. п. Но даже при такой идеологической базе мало кто откажется от мировой науки, являющейся по самой своей сути вненациональной и внеклассовой, грубо говоря, «дураков нет». Необходима поэтому и социальная база в виде тоталитарного режима, обладающего мощным политическим аппаратом, принудительно внедряющим облюбованную антинауку.

Эти два условия имели место в нашей стране: государственная догма о классовости науки и государственное требование полной унификации идеологии и культуры. Без этого лысенковщина как социальное явление не могла бы появиться.

Вопрос. Следовательно, Вы считаете, что в случае лысенкоизма возникло благоприятное сочетание обстоятельств?

Ответ. Прежде всего я никогда не употребляю термин «лысенкоизм», он меня даже раздражает. Всегда говорю о «лысенковщине». А стечение обстоятельств или их комплекс лежит по существу в основе всех исторических явлений, ничто не определяется одной причиной. Мне всегда импонировал кондиционализм немецкого физиолога Макса Ферворна. В истории лысенковщины определяющими были те условия, которые создавала история партии. Строго говоря, история лысенковщины — глава не истории науки как таковой, а глава истории партии. Это прослеживается очень четко. И, конечно, без изучения документов Центрального партийного архива разобраться во всех перипетиях, через которые прошла биология, невозможно.

Отмечу еще одно обстоятельство, выводящее лысенковщину из истории науки. Ведь наша борьба с ней по существу ничего не дала биологии в концептуальном отношении — ни новых существенных фактов, ни новых теорий. Пока мировая наука шла вперед, советские ученые с огромной затратой энергии мужественно защищали от невежественных атак давно известное и завоеванное. Конечно, в это время были и у нас крупные достижения, например разработка представлений об эволюционной роли модификаций, связанных с именами И. И. Шмальгаузена, В. С. Кирпичникова и Е. И. Лукина, но это к борьбе с антинаукой отношения не имеет. Сам Шмальгаузен до войны в дискуссию не вмешивался и Лысенко вообще не упоминал.

Реплика. Это не совсем так. Он ссылался на Лысенко, упоминал, например, яровизацию, довольно положительно цитировал его работы о наследственности.

Ответ. Я уже не помню деталей, но в вышедших сразу после войны учебниках дарвинизма Шмальгаузена и в еще большей степени А. А. Парамонова были какие-то попытки извлечь рациональное зерно из некоторых высказываний Лысенко, дать им хоть какое-то научное обоснование. Так поступал и Дж. Б. Холдейн до августовской сессии. Но это было абсолютно бесполезно, все усилия затрачены напрасно. А не потратить их было нельзя, просто игнорировать было невозможно. Другая обстановка сложилась после смерти Сталина. За 1952—1958 гг. удалось полностью дискредитировать лысенковщину в глазах не только ученых, но и широкой общественности. Поддержка ее Хрущевым уже ничего не могла изменить.

Вопрос. Верно ли, что в 30-е гг. за генетику боролись только генетики и селекционеры?

Ответ. В основном одни генетики и селекционеры и лишь некоторые представители других разделов биологии. То, что лысенковщина грозит всем биологическим наукам, было осознано гораздо позже, когда уже было поздно, после войны. Это произошло, когда Лысенко обрушился на систематику, геоботанику, основы современной биологии в целом, отрицая борьбу за существование и развивая бредовые идеи «порождения видов». Но объединившиеся биологи оставались одиночками, и только после «Письма трехсот» на их защиту встали физики, химики и математики. Не помню, кому пришла в голову мысль обратиться за поддержкой к физикам, но это была очень плодотворная идея. С этого началось создание генетических лабораторий под крышей физических и химических институтов. Раньше же, вероятно, только А. Ф. Иоффе, бывший директором Агрофизического института ВАСХНИЛ, на опыте личного общения с невежественным президентом четко представлял весь кошмар ситуации.

Вопрос. Почему Вы лично поднялись на борьбу с лысенковщиной, понимая, что на его стороне огромная бюрократическая машина, все сметающая на своем пути?

Ответ. Прежде всего, мне этот вопрос кажется не вполне корректным. Дело в том, что я ведь не одиночка, а один из солдат не армии, конечно, а отряда, который вел борьбу. В мои университетские годы мы шли за такими замечательными людьми, как Вавилов и мои дорогие учителя, рядом были воспитанники нашей кафедры Дина Руфимовна Габе и Рауза Хадиевна Макашева, мои друзья с братской кафедры генетики животных Георгий Дмитриевич Муретов, погибший на фронте в первые дни войны, и Геннадий Александрович Розенштейн, убитый на следующий день после ее окончания. В «биновские годы» были такие лидеры, как Сукачев и Баранов, а соратниками — мои соавторы по «Письму трехсот»: Владимир Яковлевич Александров и Юрий Михайлович Оленов, сотрудники БИНа: Сергей Юльевич Липшиц, Олег Вячеславович Заленский, Фатих Хафизович Бахтеев, Владимир Иванович Полянский, Александр Афанасьевич Юнатов, Нина Александровна Чуксанова. Боевая дружба связывала меня с такой героической личностью, как Владимир Павлович Эфроимсон. Мы всегда чувствовали взаимную дружескую поддержку, обсуждали происходящее, строили планы, вместе выступали. В таком окружении отступить было нельзя. Конечно, я вспоминаю в основном о тех событиях, в которых принимал личное участие, тем более, что о некоторых, имеющих, как мне кажется, значение для истории, сейчас, вероятно, помню только я.

Ну, а степень и характер участия в борьбе зависели от многих факторов, как объективных (занимаемая должность, например), так и субъективных (темперамент, ораторские способности и др.).

Хотя в моей жизни было довольно много осложнений (дважды исключался из комсомола, исключался из партии, изгоняли из аспирантуры, дважды увольняли с работы и дважды понижался в должности, дважды пытались сфабриковать

уголовное дело, пережил обыск, был одним из героев фельетона в «Литературной газете», редакционной статьи «Правды» и книги секретаря райкома КПСС), но в общем я отделался относительно легко. Правда, тень «политической неблагонадежности» долгое время шла за мной в начале моей фронтовой службы. Дважды меня направляли служить в штаб 23-й армии, но оба раза буквально через месяц отправляли обратно в часть по причинам, мне не сообщаемым, но совершенно ясным.

Конечно, свобода выбора вообще была: одни выбирали Вавилова, другие — Лысенко. Как объяснить мой выбор? Не знаю. Для меня такая альтернатива просто не существовала.

Вопрос. Возвратимся к совещанию при журнале «Под знаменем марксизма». Какое у Вас осталось впечатление: все кончилось или сохранится какое-то равновесие?

Ответ. Стало ясным, что хоть как-нибудь поколебать поддержку лысенковщины со стороны властей не удалось. Но ощущения конца не было.

Вопрос. А после августовской сессии?

Ответ. Надо сказать, что, начав работать в библиотеке Ботанического института, я в 1946—1948 гг. активно печатался в «Ботаническом журнале», «Советской ботанике» и особенно в «Природе», рецензируя и реферируя литературу и по новой моей специальности (библиография и история науки), и по старой (генетика и эволюционная теория). Во время дискуссий я выступал и в БИНе, и в университете, критикуя Лысенко и защищая дарвинизм. Когда от К. М. Завадского стало известно о выступлении заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданова, резко критиковавшего Лысенко, у всех появилась надежда на изменение партийного отношения к биологии. Тем более тяжелым был эффект августовской сессии, хотя еще накануне, когда появилось сообщение о постановлении Совета Министров СССР, назначавшего академиками ВАСХНИЛ целый ряд ярых лысенковцев, стало ясно, что наши надежды были напрасны.

Тогда казалось, что это всерьез и надолго. Если перед войной решалась моя личная судьба, я мог куда-то уехать, изменить специальность, теперь катастрофа была общей. Пройдя всю войну и как-то стабилизировав свою жизнь, я не смог снова ломать все, и мне, как члену партии, пришлось «признать свои ошибки». Может быть, я недостаточно информирован, но мне известен только один коммунист, который решился на исключение из КПСС, — это Иосиф Абрамович Рапопорт. Я преклонялся перед ним, но не последовал его примеру. К счастью, директор БИНа Б. К. Шишкин заявил, что в институте морганистов нет и никого увольнять не надо. Парторганизация тоже не свирепствовала, и в результате наказания были умеренные. Трех человек вывели из ученого совета: двух — В. И. Полянского и С. Я. Соколова — «за дело», а геоботаника и будущего академика В. Б. Сочаву — сводя какие-то старые счета. Меня, бывшего тогда заместителем секретаря парторганизации, вывели из партбюро. Но как только появилась возможность бороться с Лысенко, я отдал этому все свои силы.

Хотелось бы добавить еще несколько слов о Павле Александровиче Баранове. Придя в БИН в 1952 г., он должен был часто ездить в Москву на заседания бюро Отделения биологических наук, руководителем которого был А. И. Опарин, всячески угоджавший Лысенко. Каждое заседание было для Баранова полем битвы. Он не давал покоя Опарину и его заместителю П. А. Генкелю, занимавшему также пролысенковскую позицию (как сказал один умный человек, кажется, Каверин: «Уже можно ходить на двух ногах, а они еще ползают на четвереньках»). Возвращаясь в БИН, Баранов рассказывал нам о том, что было на бюро, просматривая листочки, на которых одним или несколькими словами были записаны темы полемик. Жаль, что эти листки не сохранились, они очень ярко характеризовали Баранова как борца.

Несколько сюжетов, относящихся к учредительному съезду Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, состоявшемуся в мае 1966 г. Я входил в число членов-учредителей. Тогда до ленинградцев доходили известия о конфликте, возникшем между Н. П. Дубининым и основной группой его старых сотрудников. Мы с Ю. М. Оленовым надеялись помирить их, но, приехав в Москву, поняли, что примирение невозможно. Предстояли выборы академика по генетике, и на эту вакансию могли претендовать в первую очередь два члена-корреспондента: Н. П. Дубинин и Б. Л. Астауров. Первый имел больше шансов, так как возглавлял Институт общей генетики. Поэтому генетики решили добиваться избрания Астаурова президентом нового общества, что уравнивало в известной степени шансы. Было известно, что «инстанции» уже решили: президентом должен стать Н. В. Цицин, по своему научному весу да и по гражданственности стоящий гораздо ниже Бориса Львовича. Учитывая это, москвичи вели агитацию вычеркивать Цицина из бюллетеня при избрании совета общества. Агитация увенчалась успехом, и Цицин получил что-то около 60 голосов «против», несравнимо больше, чем кто-либо другой. На заседании избранного совета разгорелась борьба, причем тогдашний академик-секретарь Отделения общей биологии Б. Е. Быховский, обязанный проводить Цицина, был в трудном положении: он не мог сослаться на рекомендацию «директивных органов», хотя все знали об ее существовании. Провести официальную кандидатуру не удалось, и вопрос был перенесен на следующий день.

Вопрос. Кто же в конце концов был выбран?

Ответ. Мы ждали, что Астаурову будут «выламывать руки», добиваясь отказа от баллотировки. Вероятно, ожидал этого и он сам. Во всяком случае он утром поехал в лабораторию к В. Н. Сукачеву, бывшему, как я уже говорил, высшим моральным авторитетом для биологов, за «благословением». Мне надо было видеть Сукачева по делам БИНа и, подходя к лаборатории, я застал Бориса Львовича, ожидающего Машину после их встречи. Когда заседание совета общества возобновилось, начальство, поняв, что настаивать на Цицине бесполезно, уступило и президентом был избран Астауров. При выборах в Академии дали вторую вакансию и оба лидера стали академиками.

Теперь об истории присвоения обществу имени Вавилова. Перед заседанием, на котором принимался устав общества, я поделился с товарищами своим намерением предложить присвоить ему это славное имя. Один из собеседников посоветовал поговорить предварительно с Быховским. Я ответил: «Ну, нет! Он ведь скажет, что это надо согласовать с инструктором ЦК, присутствовавшим на съезде, тот пойдет к заведующему сектором отдела ЦК, а этот в свою очередь — к заведующему отделом, заведующий — к Суслову, Суслов — к Брежневу... И на каждом этапе дело может быть загублено, и даже в самом лучшем случае затянется бесконечно. Лучше я предложу, а там пускай разбираются». На заседании меня опередил один ленинградский делегат, кажется В. Г. Смирнов, но он внес предложение без аргументации, наряду с другими соображениями. Я выступал сразу же за ним, мое выступление было посвящено только этому вопросу и хорошо подготовлено. Прежде всего, я указал на то, что научные общества могут носить чьи-то имена и несут их, например Менделеева, Павлова. Далее я обосновал тезис, что присвоить какое-то имя обществу может только само общество, а не государственный орган. Ну, и под конец в нескольких словах охарактеризовал Николая Ивановича как великого ученого и великого гражданина, жизненный подвиг которого обязывает общество. Его имя — «это символ, это обязательство, которое мы берем на себя, это клятва работать так, как он, жить так, как он». Эту цитату я привожу по книге М. А. Поповского «Дело академика Вавилова» (1983, с. 244). Закончил свою краткую речь я под «бурю аплодисментов», как пишет Поповский, и, несмотря на все старания председательствующего С. И. Алиханяна (Быховский не присутствовал), наше предложение было принято. Но устав должен быть утвержден Президиумом АН СССР, и Борис

Львович полтора года боролся с сопротивлением разных аппаратов, чтобы воля съезда была исполнена.

Вопрос. Каково Ваше отношение к книге Поповского?

Ответ. В целом вполне положительное. Ее необходимо издать и у нас. Ведь ее используют, но до сих пор на нее не ссылаются. Кажется, я был первым, упомянувшим ее в нашей печати (стенограмма выступления на встрече в Центральном доме литераторов, опубликованная в «Вопросах истории естествознания и техники». 1987. № 4). Необходимо также сделать доступным фундаментальный труд Валерия Сойфера «Власть и наука».

Должна быть опубликована и книга Жореса Медведева. Как известно, его мужественная борьба окончилась тем, что он попал в психиатрическую больницу. Вся эта история описана в небольшой книге Жореса и Роя Медведевых «Кто сумасшедший?», изданной в Мюнхене. У меня как-то состоялась интересная встреча. У Владимира Павловича Эфроимсона собрались ленинградцы: В. Я. Александров, В. С. Кирпичников и мы с сестрой. Неожиданно для нас появился Жорес Медведев, принесший с собою эту книгу. Уходя от Эфроимсона, я сказал сестре: «А не кажется ли тебе, что во всей нашей компании самым здоровым психически был именно Жорес?».

Вопрос. Сколько времени провел он в психушке?

Ответ. Относительно очень немного — 17 или 18 дней. Слишком большой шум поднялся сразу же после помещения его в больницу.

Вопрос. Что Вы знаете о встречах Вавилова и Сталина?

Ответ. Баранов мне рассказывал, что в 1932 г., когда был поставлен вопрос о масштабном орошении сельскохозяйственных земель в Поволжье (с этим связана Нижневолжская экспедиция, в которой я участвовал), Вавилов был у Сталина. Сталин спросил об отношении Николая Ивановича к разработанному плану. Он ответил, что с агрономической точки зрения результативность орошения несомненна, но экономически план нецелесообразен. Сталин заявил, что его спрашивают как агронома, а по экономической части «мы как-нибудь сами разберемся». Сам Вавилов считал, что этот разговор вызвал у «хозяина» раздражение.

О последней встрече мы знаем от стойкого вавиловца, старого сотрудника ВИРа, Ефрема Сергеевича Якушевского, известного специалиста по культуре сорго. Возвращаясь с Кубани в Ленинград, он остановился в Москве у Николая Ивановича. Это было 28 ноября 1939 г. Вавилов сказал: «Наше дело швах!». 20 ноября на 22 часа ему был назначен прием у Сталина. Четыре часа он ждал в приемной и был впущен в кабинет в 2 часа ночи. Сталин ходил с трубкой в руке и, не ответив на приветствие, заявил: «Когда же Вы, гражданин Вавилов, начнете помогать повышать урожайность, а не заниматься листочками и лепесточками?». Вавилов, ошарашенный таким началом, не приглашенный сесть, пытался объяснить значение исследований, проводимых им и его коллективами, но Сталин резко оборвал его словами: «Вы свободны». Подчеркну, что этот «разговор» состоялся через месяц после совещания при журнале «Под знаменем марксизма», и он показывает, насколько несостоятельны были чаяния генетиков. А на свободе Николаю Ивановичу оставалось быть меньше девяти месяцев.

В заключение я бы хотел высказаться по поводу статьи Л. Грекова «Не все философы молчали» («Советская культура». 1989. 26 января). Он пишет, что в разрушении монополии Лысенко значительную роль сыграла другая статья. Якобы именно в журнале «Вопросы философии» «впервые стали публиковаться статьи несогласных с Лысенко». И в качестве примера указана статья Дубинина, опубликованная в № 6 за 1967 г.

Обратимся к фактам.

Я уже говорил, что широкую дискуссию начал «Ботанический журнал» еще в № 6 за 1952 г. статьями Турбина и Иванова и продолжал вести ее до разгона редколлегии в декабре 1958 г. Одновременно столь же упорно боролся «Бю-

летень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический», главным редактором которого был Сукачев, а его заместителем В. И. Цалкин, такой же стойкий и активный антилысенковец. Весь 1953 г. мы публиковали дискуссионные статьи, в том числе самого Сукачева, А. А. Ниценко, Н. В. Павлова, З. Т. Артюшенко, Б. Н. Замятина и С. Я. Соколова, Л. А. Смирнова, П. А. Баранова, Б. М. Козо-Полянского, Е. М. Лавренко, Д. Ф. Петрова, А. М. Семенов-Тян-Шанской, Л. Ф. Правдина, В. И. Некрасова, А. А. Рухян и др. Наряду с этим, естественно, печатались и статьи противной стороны, в том числе Лысенко и Лепешинской. Некоторые журналы в 1953 г. предоставляли свои страницы только лысенковцам.

Перейдем к 1954 г. «Ботанический журнал» продолжает дискуссию, публикуя статьи Н. Д. Иванова, А. К. Ефейкина, снова П. А. Баранова, Б. К. Шишкина, Н. С. Камышева, М. С. Гилярова, С. С. Хохлова, Н. Г. Холодного, А. Д. Фурсаева, К. М. Завадского, А. А. Яценко-Хмелевского и др., значительно расширяя круг обсуждаемых вопросов. Кроме того, в № 1 помещается обзор 30 статей и писем, полученных редакцией, но не публикуемых из-за отсутствия места. А в № 2 напечатана редакционная статья, подводящая первые итоги дискуссии, в которой было сказано: «Теория Т. Д. Лысенко уже перестала фигурировать в качестве примера диалектической трактовки проблемы качества, но она не подвергнута еще философской критике. Эту работу приходится пока выполнять самим биологам» (с. 212). И там же содержится ранее приведенная мной формулировка о «фактической необоснованности, теоретической и методологической ошибочности и практической бесплодности всей концепции в целом» (с. 220).

А что делается в «Вопросах философии»? Первой ласточкой явилась статья Б. М. Кедрова о постепенности как одной из форм перехода количества в качество (1954, № 2), по сути несомненно направленная против Лысенко, но без упоминания его имени. Дискуссию же начинает редакция, торжественно объявляя об этом в № 6, статьей воинствующего лысенковца Г. В. Платонова, которому приходится, однако, уже делать некоторые уступки.

Перейдем к 1955 г. Мы продолжаем «Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования» (так озаглавлена наша вторая редакционная статья в № 2), в которой, в частности, критикуются философские позиции Г. В. Платонова. В новом обзоре рассмотрено 27 статей и писем, в большинстве своем антилысенковских, в том числе двух философов (Г. А. Курсанов, Г. Н. Мирошниченко). Особо надо отметить опубликованные статьи В. Я. Александрова, П. А. Баранова, Н. П. Дубинина и М. И. Хаджинова, А. Л. Тахтаджяна. Не могу не упомянуть и две мои статьи в соавторстве с Павлом Александровичем.

А «Вопросы философии» предоставили свои страницы лысенковцам: И. И. Новинскому, Н. В. Цицину (неодарвинисты «отвергают научную концепцию развития, протаскивают идеализм и метафизику в биологию», — пишет он), А. С. Татаринovu, И. И. Презенту и И. А. Халифману. Только в № 6 появилась статья Б. М. Кедрова, открыто полемизирующего с лысенковцами, и цитолога Б. А. Вакара.

Интересно проследить, как на страницах «Ботанического журнала» настойчиво расширялся круг обсуждаемых вопросов, как исчезали реверансы в адрес «мичуринской биологии», как последовательно разрушались догмы лысенковщины — одна за другой, как шаг за шагом реабилитируется, казалось бы, похороненный «менделизм-морганизм-вейсманнизм». Но этот процесс требует специального рассмотрения.

На этом можно закончить. Сравнение политики обоих журналов в 1956—1958 гг. ничего принципиально нового не дает.

Я не хочу клеймить философов, обсуждать, какова их вина в утверждении лысенковщины, виноваты и многие биологи. Дело не в этом. Исказить историю

нельзя. Разоблачение этого уродливого феномена начали не философы, а биологи, причем они первые указали на несостоятельность и «философских основ» так называемой мичуринской биологии. Больше того, философы присоединились к биологам уже тогда, когда в ходе дискуссии развенчание антинауки по существу было завершено. Признание этого бесспорного факта задержалось венаучными силами — произволом Хрущева и подчиненного ему партийно-государственного аппарата. Пришлось дожидаться момента снятия его «в связи с преклонным возрастом».

В заключение участники беседы поблагодарили Д. В. Лебедева за его обстоятельный ценный рассказ, который станет также достоянием общества «Мемориал», и выразили надежду, что подобные встречи будут продолжаться.

Беседу вели Э. И. Колчинский, К. О. Россиянов и Л. В. Чеснова. В обработке интервью принимал участие В. И. Назаров.